

ISSN: 2450-8160

Herald pedagogiki. Nauka i Praktyka

wydanie specjalne

Warszawa
2021

Editorial Team

Editor-in-chief: *Gontarenko N.*

EDITORIAL COLLEGE:

W. Okulicz-Kozaryn, *dr. hab, MBA, Institute of Law, Administration and Economics of Pedagogical University of Cracow, Poland;*

L. Nechaeva, *PhD, PNPUI Institute K.D. Ushinskogo, Ukraine.*

K. Fedorova, *PhD in Political Science, International political scientist, Ukraine.*

Aryslanbaeva Zoya, *Ph.D. in Uzbek State Institute of Arts and Culture Associate Professor of "Social Sciences and Humanities."*

Karimov Ismoil, *Kokand State Pedagogical Institute*

Nishanova Ozoda, *National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek*

Isamova Pakiza Shamsiyevna, *candidate of pedagogical sciences, associate professor of Uzbek State World Languages University, Republic of Uzbekistan, Tashkent city.*

(wydanie specjalne) Volume-2, № 6 October 2022

ARCHIVING

Sciendo archives the contents of this journal in ejournals.id - digital long-term preservation service of scholarly books, journals and collections.

PLAGIARISM POLICY

The editorial board is participating in a growing community of [Similarity Check System's](#) users in order to ensure that the content published is original and trustworthy. Similarity Check is a medium that allows for comprehensive manuscripts screening, aimed to eliminate plagiarism and provide a high standard and quality peer-review process.

About the Journal

Herald pedagogiki. Nauka i Praktyka (HP) publishes outstanding educational research from a wide range of conceptual, theoretical, and empirical traditions. Diverse perspectives, critiques, and theories related to pedagogy – broadly conceptualized as intentional and political teaching and learning across many spaces, disciplines, and discourses – are welcome, from authors seeking a critical, international audience for their work. All manuscripts of sufficient complexity and rigor will be given full review. In particular, HP seeks to publish scholarship that is critical of oppressive systems and the ways in which traditional and/or “commonsensical” pedagogical practices function to reproduce oppressive conditions and outcomes. Scholarship focused on macro, micro and meso level educational phenomena are welcome. JoP encourages authors to analyse and create alternative spaces within which such phenomena impact on and influence pedagogical practice in many different ways, from classrooms to forms of public pedagogy, and the myriad spaces in between. Manuscripts should be written for a broad, diverse, international audience of either researchers and/or practitioners. Accepted manuscripts will be available free to the public through HPs open-access policies, as well as we planed to index our journal in Elsevier's Scopus indexing service, ERIC, and others.

HP publishes two issues per year, including Themed Issues. To propose a Special Themed Issue, please contact the Lead Editor Dr. Gontarenko N (info@ejournals.id). All submissions deemed of sufficient quality by the Executive Editors are reviewed using a double-blind peer-review process. Scholars interested in serving as reviewers are encouraged to contact the Executive Editors with a list of areas in which they are qualified to review manuscripts.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭВФЕМИЗАЦИИ РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ КУЛЬТУР

Саттарова Елена Анатольевна

Старший преподаватель кафедры русского языкознания, доктор философии
по филологическим наукам (PhD)
Термезского государственного университета
Республика Узбекистан, Сурхандарьинская область, город Термез,
ул. Амира Тимура 53/1
elenabereza76@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному исследованию лексикографической эвфемизации русской и узбекской культур.

Изучив словарные труды русского и узбекского языков, нами было обнаружено то, что фиксация и реализация эвфемистического пространства на лексикографическом уровне практически не находит отражения употребления заимствований и терминов на лингвистическом и лексическом уровне. Таким образом, анализ отобранного материала осуществлялся на основе принципа толкования. Подчеркнем, что значения эвфемизмов являются сложным для лексикографирования материалом. Несмотря на это, подробное исследование позволит сделать вывод о том, какие ресурсы формирования эвфемистического результата находят отражение в современных толковых словарях, а также объяснить проблематичность лексикографической фиксации разновидностей эвфемизмов.

Ключевые слова: эвфемизм, табу, метафоризация, вариации, тропы, метафора, метонимия, перенос, олицетворение, сравнение, синекдоха, лексикография.

Abstract: The article is devoted to a comparative study of the lexicographic euphemization of Russian and Uzbek cultures.

Having studied the dictionary works of the Russian and Uzbek languages, we found that the fixation and implementation of the euphemistic space at the lexicographic level practically does not reflect the use of borrowings and terms at the linguistic and lexical level. Thus, the analysis of the selected material was carried out on the basis of the principle of interpretation. We emphasize that the meanings of euphemisms are difficult material for lexical engraving. Despite this, a detailed study will allow us to conclude what resources for the formation of a euphemistic result are reflected in modern explanatory dictionaries, and also to explain the problematic nature of lexicographic fixation of euphemism varieties.

Конец XX - начало XXI века представляет собой период, сопряженный с попытками расширения границ неприличного, непечатного и не высказанного, с одновременными призывами к терпимости и толерантности. Эвфемизмы русского и узбекского языков являются предметом изучения многих исследователей. Тем не менее, проблема лексикографического отражения эвфемизмов остается

недостаточно изученной и описанной в процессе сопоставления. Об этом свидетельствуют различия в системе помет в разных словарях и разногласия по поводу отнесения тех или иных слов к эвфемизмам составителями словарей русского и узбекского языков.

Темы и мотивы, способные в чем-то уязвить или обидеть человека, традиционно были и остаются запретными (табу). Человеческая физиология, естественные процессы, вредные привычки и пристрастия, а также слово, способное оскорбить или обидеть собеседника, всевозможные отклонения от того, что принято было считать нормальным, детабуизируются, значительная же часть остается закрытой.

Несмотря на неупорядоченность систем помет, маркирующих соответствующую лексику, отсутствие систематических исследований о предпочтениях потенциальных пользователей относительно фиксации сниженной лексики, данные русских и узбекских словарей общего пользования, в целом, подтверждают сокращение табуированных сфер [3, с. 66].

Наибольшей продуктивностью из числа модификаций языковой реализации эвфемизмов, представленных в исследуемых словарных трудах русских и узбекских ученых, отмечены такие функционально-семантические приемы, как метафоризация и минимизация значения, а также их вариации, представленные в виде различных тропов, метафор, метонимий, переноса с вида на вид, олицетворения, сравнения, синекдох и др.

На основе собранного лексического материала довольно обширную и богатую эвфемистической лексикой группу синонимичных эвфемизмов в русском и узбекском языках, составляют лексические единицы смысловому содержанию слова "смерть".

Например, как в русском, так и в узбекском языках в лексикографических источниках встречается ряд метафоризированных эвфемизмов в значении "умереть": рус. эвф. покоиться вечным, непробудным сном, уснуть вечным сном - узб. эвф. *abadiy uyuqiga ketmoq* (досл. заснуть навсегда); рус. эвф. сыграть в ящик - узб. эвф. *bahti qarо kiymoq* (досл. надеть черное счастье), рус. эвф. отправиться к праотцам - узб. эвф. *adam cho'listoniga ketmoq* (досл. отправиться в долину предков). Среди метафорических групп в русском и узбекском языках данной лексико-семантической группы в словарях встречаются эвфемизмы олицетворения: рус. эвф. погас огонь, увял цветок - узб. эвф. *qizil gul so'lmoq* (досл. завял красный цветок), *bahori tugamoq* (досл. конец весне) и др. В словарях, часто встречаются эпитеты, что является более ярким проявлением метафоры: рус. закат печальный, улыбка прощальная - узб. *so'ngsiz safarga ketmoq* (досл. отправиться в последнее путешествие), *so'nggi safar qilmoq* (досл. совершить последнюю поездку).

Мы согласимся с теорией В.П.Москвина, так как в своей работе он изложил подход, заключающийся в "замене одного видового понятия другим на основе ассоциаций по сходству" [1, с. 216.]. Одну из самых обширных тематических групп эвфемизмов-метафор, занимает в русском и узбекском языках

функционально-семантическая подгруппа, относящаяся к интимной жизни людей, например: рус. съесть запретный плод употребляется вместо прямого наименования половых отношений - узб. *xilvatda bazm qilmoq* (досл. устроить пир наедине), рус. жрица любви, камелия в "Словаре эвфемизмов русского языка" под редакцией Е.П.Сеничкиной дается в значении "проститутка" [4]. Такое же видовое перенесение значения продажной женщины указывается и в "Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати" А.Ж.Омонтурдиева: *bezak* (украшение, в значении проститутки), *ma'naviyati so'qir* (досл. духовно слепая), *shoxdan-shoxga sakramoq* (прыгающая с ветки на ветку) [2].

Также можно отметить, что еще одним продуктивным способом образования эвфемизмов в исследуемых словарях русского и узбекского языков является метонимия. Метонимия, основанная на пространственных отношениях смежности, используется, например, при обозначении некоторых интимных зон физиологии человеческого тела: рус. эвф. клубничка (женский половой орган) [4] - узб. эвф. *muhabbat g'unchasi* (бутон любви) [2].

Разработав общетеоретические и методические аспекты, мы пришли к следующему выводу, что значительная эффе́ктивность словарной регистрации аналогичных эвфемизмов очень тесно взаимосвязана с лексической сочетаемостью, или же наоборот, с лексической не сочетаемостью русской и узбекской эвфемизированной речи.

В практике русского и узбекского лексикографирования, фиксируется большое количество эвфемизмов-местоимений. Так, Е.П.Сеничкина отмечает, что "указательное местоимение там эвфемистически замещает любое неприятное для говорящего место, а местоимение это может называть смерть, болезни, интимные отношения, некоторые человеческие отправления и состояния, деятельность, порицаемую обществом, обозначения "человеческого низа" [5, с. 103]. На то же обращает внимание и узбекский лингвист А.Ж.Омонтурдиев, он пишет, что "практически во всех тематических группах узбекского языка местоимения *u*, *o'sha*, *shu* и др., также выступают как процесс эвфемизирования речи" [2, с. 79].

Редко в русском языке встречаются эвфемизмы, образованные при помощи приема распространения, однако довольно часто встречается в кратком словаре эвфемизмов узбекского языка [8, с. 47]. Эвфемизмы-гиперонимы довольно часто встречаются в словарях русского и узбекского языков, например: рус. эвф. кабинет - узб. эвф. *kabinetga bormoq* (досл. пойти в кабинет) употребляется как в русском, так и в узбекском языках в значении сходить в туалет; рус. эвф. в деликатном, интересном, счастливом, таком положении, ждет аиста [4] - узб. эвф. *ou-kuni yaqin* (досл. близок день и месяц), *ouog' olishi g'alati* (досл. странно ходящая), *ouog'i og'ir* (досл. с бременем) [2]. Данные эвфемизмы являются гендерно-вежливыми по отношению к наименованию слова "беременная".

Изучив словарные труды русского и узбекского языков, нами было обнаружено то, что фиксация и реализация эвфемистического пространства на

лексикографическом уровне практически не находит отражения употребления заимствований и терминов на лексическом уровне. Таким образом, указание на эвфемистическую функцию единиц, лексикографы просто опускают. Несмотря на это, все же в академических словарях зафиксирована значительная частотность применения заимствованной лексики для обозначения различного рода заболеваний приобретенных половым путем. Е.П.Сеничкина в словаре эвфемизмов русского языка указывает ссылки на лексикографические труды, например: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах [7, т.6, с. 454], а также Современный словарь иностранных слов [6, с. 350], где авторы и составители словарей фиксируют эвфемизм люэс слово инояз. происх. от лат. lues - повальная, заразная болезнь, мор. Данное обозначение они употребляют вместо слова сифилис, или инояз. слово происх. от лат. люэтический - вместо сифилитический [7, т.6, с. 454]. Данные эвфемизмы находят свое отражение и в составе "Словаря эвфемизмов русского языка" Е.П. Сеничкиной [4] с указанием на соответствующую помету иностранного происхождения этих слов. Проанализировав толковые словари узбекского языка, мы не обнаружили процесс эвфемизации данных лексических единиц. К сожалению, и в "Кратком словаре эвфемизмов узбекского языка" под ред. А.Ж.Омонтурдиева [2], в сфере обозначений болезней, не указаны данные наименования, которые были приобретены половым путем. В данном словаре прослеживается лишь лексика, эвфемизирующая обычные болезни. Хочется также отметить, что лексикограф, в принципе, не обращается к лексике иноязычного происхождения.

Анализ фактического материала отобранного из специальных словарей эвфемизмов показал, что эвфемизмы, образованные путем фонетических приемов для замены негативных наименований фиксируются значительно реже в обоих языках. Мы можем привести небольшое количество примеров: рус. эвф. фалл, фаллос, фаллус обозначают наименования мужского полового органа - узб. old передняя часть мужского органа у мужчины; рус. эвф. чмокаться в значении целоваться; шуры-муры обозначают наименования половых отношений; мзда, мздоимство, мздоимец в значении взятка, взяточничество, взяточник; без ля-ля вместо без лжи, обмана [7, т.1, с. 687].

В словарях узбекского языка использование синтаксических единиц, являются продуктивным методом при образовании эвфемистических конструкций. В отличие от узбекских словарных источников, в русском же языке фиксация синтаксических единиц через призму эвфемистических конструкций встречается реже, и отличается незначительными ресурсами. Рассмотрим примеры таких моделей и реализацию конкретных значений синтаксических эвфемизмов: 1) эллипсис: рус. эвф. да идите вы..!, а не пойти ли вам..? (вм. да идите вы к черту и т.д.); узб. эвф. joylashtirmoq (досл. устроить) в данном случае, здесь опущен ряд лексических единиц, а именно устроить невесту у жениха; 2) замена утвердительной конструкции на отрицательную: рус. эвф. в результате длительных отношений появился ребенок

(досл. длительные отношения не прошли бесследно); узб. эвф. o'n sakkizga kirmoq, o'n sakkiz yoshda (досл. исполнилось восемнадцать, восемнадцать лет); 3) оксюморон: украсть - позаимствовать.

Проанализированный материал лексикографических источников позволяет сделать следующие выводы, что морфологическая фиксация также указывает на небольшую степень фиксации в словарях как русского, так и узбекского языков. В данной ситуации для нас представляет большой интерес изучение морфологических способов образования эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной. В своем учебном пособии "Эвфемизмы русского языка" автор отмечает, что "морфологические эвфемизмы обладают минимальной степенью эвфемизации. В случае эвфемизмов, образованных путем использования аффиксов неполноты действия, "выполнению эвфемистической функции мешает наличие корня с отрицательной оценкой" [5, с. 14]. Для пояснения, она приводит несколько примеров: кокетка, слеповат, клубничка, прихрамывает и др.. В словарях узбекского языка, также имеются фонетические, лексико-грамматические, синтаксические процессы употребления и фиксации эвфемизмов.

Анализ отобранного материала осуществлялся на основе принципа толкования. Подчеркнем, что значения эвфемизмов являются сложным для лексикографирования материалом. Несмотря на это, подробное исследование позволит сделать вывод о том, какие ресурсы формирования эвфемистического результата находят отражение в современных толковых словарях, а также объяснить проблематичность лексикографической фиксации разновидностей эвфемизмов.

Список использованной литературы.

1. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. / Тропы и фигуры. - Ростов: Феникс, 2007. - 102 с.
2. Омонтурдиев А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. - Тошкент: Халқ мероси, 2006. - 134 б.
3. Саттарова Е. А. Несовместимость эвфемизмов русского и узбекского языков как основное препятствие для лингвокультурологического сопоставления // Проблемы современной науки и образования. - 2020. - №. 7 (152). - С. 63-67.
4. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. - М.: Флинта: Наука, 2008. - 464 с.
5. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие / Е. П. Сеничкина. - М.: ФЛИНТА, 2012. - 120 с.
6. Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. - СПб.: Дуэт, 1994. - 414 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. - М.: СЭ, 1950-1965, Т. 6. - С. 450.
8. Sattarova E.A. Gender-polite euphemisms linguocultural concept" woman // Russian and Uzbek languages//Theoretical & Applied Science/International Scientific Journal. - 2020. - С. 39-48.